

Т. Муш

ТЕРРИТОРИАЛЬНОСТЬ И МОБИЛЬНОСТЬ: О МИГРИРУЮЩИХ СООБЩЕСТВАХ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ «УКОРЕНЕННОСТИ»*

Кочевым и мигрирующим сообществам часто отказывают в правах на землю и территорию. Однако убежденность в том, что земля может принадлежать только оседлым племенам, не является единственной точкой зрения. Представляется, что антропология пространства недостаточно внимательна к вопросу о мобильности при изучении территориальности. Цель данной статьи состоит в том, чтобы кратко представить некоторые из существующих определений территориальности и связать их с понятиями мобильности и миграции. Предполагается показать, что территориальность и мобильность не являются взаимоисключающими понятиями, какими их нередко считают. Более того, мобильность может быть рассмотрена как средство поддержания территориальности. Наблюдение опирается на примеры Сахельского региона Африки, в котором автор проводил исследования.

О территориальности

Можно обозначить три основных подхода к территориальности. Первый характеризует территориальное поведение как генетически обусловленное и общее для животных и людей. Сторонники второго рассматривают территориальность как понятие, развивавшееся в контексте эволюции сельского хозяйства и идеи собственности. Третий стремится объединить два первых. Несмотря на различие, в этих подходах определяется общая основа — идея собственности и контроля групп или индивидов над территорией. Последнее означает контроль над территориальными границами и, соответственно, доступом к ресурсам.¹

Интерес к вопросам территориальности возник в науках о поведении и исследованиях территориального поведения животных. Таким образом, некоторые фундаментальные работы

о человеческой территориальности отмечены сильным влиянием науки о поведении. Например, Т. Мальмберг объяснял территориальность как явление, предопределенное инстинктами и экологией: «Человеческая поведенческая территориальность — это, в первую очередь, феномен этологической экологии с инстинктивным ядром, выраженный в существовании относительно обособленных пространств, к которым индивиды или группы людей привязаны эмоционально и которые, для ограждения от чужаков, отмечаются границами, знаками и другими средствами структурирования с сопровождающими их проявлениями, движениями или агрессивностью».²

Если Мальмберг не ограничивает территориальность малыми группами, среди которых может наблюдаться территориальное поведение, то другие авторы стараются более явно ограничить объект изучения. С позиции эволюционизма Р. Тайлор полагает, что территориальность может проследиваться только у малых групп, но не в масштабах государств или наций. Территориальность — это «совокупность тесно связанных между собой пространственно специфичных, социально детерминированных и важных знаний, поступков и чувств. Территориальная деятельность охватывает комплекс эколого-поведенческих операций, связанных с вопросами индивидуальной и групповой идентичности, сплоченности, контроля, доступа и управления экологией. Эта деятельность, свойственная главным образом малым группам и членам этих групп, сосредоточена преимущественно в небольших ограниченных пространствах».³

Подобные эволюционистские взгляды в этологии подверглись критике, в том числе со стороны А. Дафингера, за сведение территориальности к понятиям инстинкта и поведения. Пространство, между тем, следует понимать как «компонент социального дискурса», а также принимать во внимание его «постоянную

¹ Rapoport A. Spatial organization and the built environment // Companion encyclopedia of anthropology. Humanity, culture and social life. L.; N.-Y., 1994/95. P. 485.

Муш Тильман — доктор социальной антропологии, Национальный институт восточных языков и цивилизаций (г. Париж, Франция)
E-mail: tilmanmusch@yahoo.de

* Перевод О. К. Ермаковой с редакцией А. В. Головнёва

² Malmberg T. Biological man in future urban Europe // Fears and hopes for European urbanization. Ten prospective papers and three evaluations. (European Cultural Foundation). Hague, 1972. P. 10.

³ Taylor R. B. Human territorial functioning. An empirical, evolutionary perspective on Individual and small group territorial cognitions, behaviors and consequences. Cambridge, 1988. P. 1–4.

обращаемость» (*permanent negotiability*).⁴ На самом деле, в антропологическом ракурсе, территориальность предстает скорее социальным феноменом, предметом межгрупповых споров и переговоров.

Подход Т. Ингольда можно считать вариантом компромисса между теориями этологии и социальной антропологии, поскольку он учитывает как социальные, так и поведенческие аспекты. Ингольд также вводит понятие «владение» (*tenure*). Оно непосредственно связано с идеей «присвоения», тогда как «территориальность» воплощена в коллективном поведении. Таким образом, территориальное поведение обуславливается генетикой или усвоенной традицией, в то время как владение — часть общественных отношений, отражающих временные процессы. «Владение вовлекает природу в систему общественных отношений, территориальность вовлекает общество в систему природных отношений. Отсюда можно перейти к следующему сопоставлению, где владение означает непрерывный процесс, а территориальность — ряд синхронных состояний».⁵

Другие авторы в определении территориальности большее внимание уделяют ее значению в контроле над материальными ресурсами местности. Такие определения представляют особый интерес при изучении засушливых и полузасушливых районов (таких как африканский Сахель), где живут пастухи-кочевники, а также приграничных зон, где часто вспыхивают конфликты между кочевниками и оседлыми земледельцами. Р. Дайсон-Хадсон и Е. Смит дают следующее определение: «Территориальность — это подсистема ресурсозащитных стратегий, а защита ресурсов, в свою очередь, является аспектом стратегий жизнеобеспечения. Территориальность ярко проявляется при определенных обстоятельствах, когда люди сколько-то эксклюзивно занимают конкретные области, отражая притязания на них средствами открытой защиты или средствами социального взаимодействия. <...> Территориальность у людей, по крайней мере частично, является адаптивной реакцией на экологические факторы и, как таковая, ожидаема при таком распределении важных ресурсов, когда исключительное использова-

ние и защита ресурсной местности приносят чистую выгоду от захвата ресурсов».⁶

Согласно этому определению, территориальность становится средством защиты ресурсов и, таким образом, средством жизнеобеспечения. Акцент в данном определении сделан на «исключении» других из пользования «своими» ресурсами и на том, что территориальность как стратегия выживания возникает в процессе адаптации к условиям окружающей среды.

Это определение представляет опять-таки эволюционистскую точку зрения, согласно которой территориальное поведение обусловлено инстинктами или вызвано экологическими импульсами. Однако подобное определение является неполным, так как недоучитывает антропологические аспекты, например функцию территориальности, состоящую в демонстрации или усилении социальной и политической власти. Более того, такого рода определения сводят территориальное взаимодействие между группами к идее включения и исключения. Между тем, если рассматривать традиционные порядки доступа к пастбищам и воде у сообществ туарегов и фульбе в Сахеле, то можно отметить огромное значение «номадического императива»: группы, контролирующие территорию, не должны запрещать доступ к воде и к пастбищам мигрирующим сообществам в течение первых дней после их прибытия. Дальнейший доступ к воде и пастбищам становится предметом обсуждения, но не исключается.⁷

Пересматривая сугубо социологические подходы к территориальности, имеет смысл процитировать определение Р. Сэка, которого можно считать одним из главных теоретиков социальной территориальности. Он объясняет ее как «попытку человека или группы воздействовать, влиять или контролировать людей, явления и отношения через разграничение и установление контроля над географической областью».⁸ Это определение подчеркивает осуществление через территориальность влияния на людей и челове-

⁴ Dafinger A. Anthropologie des raumes. Untersuchungen zur Beziehung räumlicher und sozialer Ordnung im Süden Burkina Faso. Köln, 2004. S. 18.

⁵ Ingold T. The Appropriation of Nature. Essays on Human Ecology and Social Relations. Manchester, 1986. P. 136.

⁶ Dyson-Hudson R., Smith E. A. Human Territoriality: An Ecological Reassessment // American Anthropologist. 1978. № 80. P. 36.

⁷ Впрочем, это традиционный и «идеальный» путь управления правами на воду и пастбища. Из-за растущей засухи и перенаселенности могут возникать и конфликты. В этих условиях ограждение пастбищного пространства может стать все чаще встречающимся явлением (см.: Stahl U. "At the end of the day we will fight": communal land rights and 'illegal fencing' in the Otjozondjupa region // People, cattle and land. Transformations of a pastoral society in Southwestern Africa. (History, cultural traditions and innovations in Southern Africa). Köln, 2000. P. 319–346).

⁸ Sack R. D. Human territoriality. Its theory and history. Cambridge; L.; N.-Y.; New Rochelle; Melbourne; Sydney, 1986. P. 19.

ческие отношения. Таким образом, территориальность может быть тесно связана с политической и общественной властью.⁹

Однако представляется важным не рассматривать территориальность как завершенный социальный процесс. Она может быть перманентно изменчивой, и территории с представленными на них социальными отношениями могут постоянно модифицироваться. Это обстоятельство позволяет А. Пааси определить территории как «социальные процессы, в которых социальные пространства и социальные действия неотделимы. Территории — не застывшие рамки, в которых протекает социальная жизнь. Скорее, они создаются, наделяются смыслом и разрушаются в общественных и индивидуальных действиях. Следовательно, они обычно оспариваемы и активно обращаемы».¹⁰

В приведенном выше определении неотделимость социального пространства от социальной деятельности указывает на то, что территории включают как социально обусловленные материальные аспекты пространства, так и динамические социальные процессы. Территория — не просто вместительное для обитающих в ней индивидов. Она создается, меняется и уничтожается ими, равно как и другими индивидами или группами. Это определение стоит применять в антропологических подходах, так как оно подчеркивает не аспекты включения или исключения, а возможности обращения и оспаривания территорий.

Мобильность vs. территориальность?

При рассмотрении теорий территориальности, вроде упомянутых выше, обнаруживается выраженный ракурс оседлости, не учитывающий мобильности и миграций. Миграция и территориальность крайне редко упоминаются вместе, и если оба понятия всплывают в ходе дискуссии, то в довольно негативном смысле: территориальность может поддерживаться лишь до тех пор, пока группа проживает на данной территории; если группа ее покидает, она теряет «свое место». Согласно подобным подходам, кочевники считаются «нетерриториальными», «безземельными» или «бродячими» людьми. Такие взгляды нередко раз-

деляются (оседлыми) правительствами или оседлыми группами, например земледельцами. Судя по опыту Сахеля, за кочевником часто не признается прав на землю, так как он не проживает на ней постоянно и не «культивирует» ее. К тому же пустоши считаются «дикой» местностью, и важность этих «диких» пастбищ для кочевников, а также их методы «культивирования» этого пространства (в неземледельческом смысле) во внимание не принимаются. Как следствие, такие представления о территориальности создают конфликтные ситуации по поводу воды, пастбищ и земли среди различных этнических групп.¹¹

Подобные точки зрения, не учитывающие мобильности, могли быть порождены нединамичными понятиями пространства и территории. В этих нединамичных понятиях территория представляется стабильной местностью, «включающей» своих неизменных обитателей. Мобильность, таким образом, считается «нетерриториальной». Однако следует принять взгляд, который пытается связать понятия территориальности и мобильности, который подчеркивает гибкость пространства: «Люди образуют места, именно двигаясь внутри них; люди и их тела не изолированы от места; скорее, происходит их слияние, течение места».¹²

Д. Тёртон, специалист по мурси, полукочевникам Эфиопии, утверждает, что миграции обусловлены давлением окружающей среды, а также желанием найти «подходящее/прохладное» (*cool*) место, где пастухи могли бы пасти скот и заниматься некоторыми видами земледелия. Он рассматривает миграции мурси как «продолжающийся “проект” местоделания и самовоспроизводства», который изменяет самих мигрантов и создает новые условия для соседних групп. Мурси считают оседание на «своей» территории крайне рискованным состоянием; более того, у них нет вообще никакого представления о «прибытии» или «возвращении» в конкретное место: «Они не возвращались назад к воображаемому исходному месту, а направлялись вперед к воображаемому и идеальному месту прибытия».¹³

⁹ К вопросу о политическом влиянии и землевладении у туарегов см.: Musch T. Die Kühe der Illoghmatan. Zwei konfliktfälle im Kontext von dezentralisierung und *iklan*-Emanzipation in Bankilare (Niger) // *Recht in Afrika * Law in Africa * Droit en Afrique*. 2010. № 1. S. 123–141.

¹⁰ Paasi A. Territory // *A companion to political geography*. Oxford, 2003. P. 110.

¹¹ См. также: Musch T. Discourses about the Landlessness of former nomads — two conflict cases in Sadina (Western Niger) // *Recht in Afrika * Law in Africa * Droit en Afrique*. 2011. № 1. P. 87–102.

¹² Ward S. On shifting ground: changing formulations of place in anthropology // *The Australian Journal of Anthropology*. 2003. № 14, 1. P. 85.

¹³ Turton D. The meaning of place in a world of movement: lessons from long-term field research in Southern Ethiopia // *Journal of Refugee Studies*. 2005. Vol. 18, № 3. P. 262.

В том же контексте С. Уард отмечает, что «течение» мест воспринимается только на «когнитивных путях».¹⁴ На этих путях идеи «происхождения» (*origin*) и «прибытия» (*arrival*) заменяются несколькими местами в прошлом и будущем, которые остаются в памяти и воображении. «Текущность» (*fluidity*) места познается через когнитивные пути. Люди хранят в своих умах места бывшей принадлежности посредством памяти, а места будущей принадлежности — посредством воображения».¹⁵

Однако мест для пастбищ становится сегодня все меньше. Таким образом, перенаселенность заставляет кочевников оседать, так как только оседлость может позволить им бороться за права на землю в государствах, где правит оседлое большинство. Конец миграций мурси, по мнению Тёртона, обусловлен ростом государства-нации. Это не только делает дальнейшую миграцию к «новым» землям невозможной, но и создает зависимость от ценностей, норм и технологий, которые не могут быть созданы в сообществе самих мурси.

Такую эволюцию можно наблюдать во многих странах Сахельского региона, где, согласно официальному (и часто применяемому) представлению об оседлости, пространство может принадлежать только «постоянным» людям. Как следствие, пастбищное пространство кочевников считается нелюдской землей (*no-man's-land*), и кочевники могут выразить свои притязания на землю, только осев на ней. Только тогда они могут требовать постройки здесь, например, школы или больницы.

По мнению Г. Кибриба, концепции «укоренённости» (*rootedness*) людей в местности исходят из оседлого мышления, которое влияет на постмодернистские дискуссии об отношениях между людьми и пространством. Это оседлое мышление «предполагает существование естественной связи между местом и людьми».¹⁶ Пространство, однако, следует

рассматривать как изменчивое. Миграции, полагает Кибриб, не представляют проблемы для мигрантов, если решение мигрировать принято обдуманно и если есть места, которые «свободны» и могут быть заселены без возбуждения конфликтов между группами. По Кибрибу, миграции всегда были частью истории засушливых и полусушливых регионов. Но если люди вынуждены мигрировать и они стеснены в заселении уже «территориализованных» мест (на которые они не могут всецело претендовать), тогда необходимость возвращения к предполагаемому месту «происхождения» (*origin*) возрастает. «Идентичность, которую люди приобретают от ассоциации с конкретным местом, в сущности сама по себе не фундаментальна. Но в мире, где многие права, включая отношения равноправия, доступ к источникам средств существования, доступ к земле, права на свободу передвижения и проживания, определяются на основе территориально закрепленной идентичности, идентичность, которую люди приобретают, ассоциируя себя с конкретной страной, является незаменимым средством для достижения социальной и экономической цели. Целью в данном случае является достойное существование, проявляющееся в возможности действовать и реализовать свободу выбора и независимость без стесненности оковами «инакости»».¹⁷

Мобильность и привязанность к месту не исключают друг друга, а места взаимозаменяемы. И все же люди сегодня все больше отождествляют себя со своей территорией. Тем самым они приобретают права на доступ к ресурсам. Более того, как часть территориально закрепленного сообщества они лучше представлены в современных государствах-нациях.

Заключение. Поддержание территориальности миграциями

Территориальность изменчива и может быть оспариваема или обрастаема. Миграции и мобильность, редко упоминаемые в теориях территориальности, являются важными составляющими модификации пространства. Если условия окружающей среды позволяют (например, есть «свободное» пространство), территориальность может вновь создаваться где угодно. Данное утверждение представляется особенно значимым применительно к Сахельскому региону, где частые миграции

¹⁴ В сходном, но, безусловно, более «классическом» контексте Дюпир, один из первых французских специалистов по нигерийскому племени фульбе, упоминает нечто подобное этим «когнитивным маршрутам». Дюпир описывает возникновение новых маршрутов перегона скота как *временный* процесс. В областях, где фульбе недавно начали перегон скота, маршруты разрознены и походят на лабиринт, тогда как впоследствии они становятся все более упорядоченными (Dupire M. Peuls nomads. Étude descriptive des Wodaabe du Sahel nigérien. 2d ed. P., 1996. S. 72.)

¹⁵ Ward S. Op. cit. P. 88.

¹⁶ Kibreab G. Revisiting the debate on people, place, identity and displacement // Journal of Refugee Studies. 1999. Vol. 12, № 4. P. 386.

¹⁷ Ibid. P. 404.

происходили совсем недавно и продолжают- ся сегодня. Можно также отметить функцию мобильности, которая не ведет к отрыву от местности, а, наоборот, позволяет укрепить территориальность: благодаря (кочевой) мобильности несколько различных мест могут

часто посещаться и, следовательно, поддерживаться как территория. «Поддержание мобильностью», которое не фигурирует в дискуссиях о территориальности, представляется, таким образом, главным аспектом специфической «кочевой территориальности».

Ключевые слова: *территориальность, мобильность, миграция, кочевание, кочевник, Сахель*

Tilman Musch

Doctor of Social Anthropology, National Institute of Languages and East Civilizations (France, Paris)

E-mail: *tilmanmusch@yahoo.de*

TERRITORIALITY AND MOBILITY. NOTE ON MIGRATING COMMUNITIES AND THE QUESTION OF TERRITORIAL “ROOTEDNESS”

This contribution deals with the notions of territoriality, mobility and migration connecting them to each other. Contrary to common viewpoints, the author tries to show that mobility does not exclude territoriality, as it is supposed in a more or less “sedentary” approach. Such a sedentary viewpoint is not only tightening conflicts between ethnic groups, it seems also to be common to several theoreticians of the topic. In the contrary, mobility should not be considered as a phenomenon making territoriality impossible. Moreover, especially in nomadic communities, mobility contributes in maintaining territoriality as it allows the connection of several places. The paper refers to examples of African pastoral societies.

Key words: *territoriality, mobility, migration, nomadism, nomads, Sahel*

REFERENCES FOR CITATION DATABASE

Dafinger A. Cologne: Rüdiger Köppe Verlag, 2004, 207 p. (in German).

Dupire M. Paris: Karthala, 1996, 336 p. (in French).

Dyson-Hudson R., Smith E. A. *American Anthropologist*, 1978, № 80, pp. 21–41. (in English).

Ingold T. Manchester: Manchester University Press, 1986, 287 p. (in English).

Kibreab G. *Journal of Refugee Studies*, 1999, Vol. 12, № 4, pp. 384–410. (in English).

Malmberg T. *Fears and hopes for European urbanization. Ten prospective papers and three evaluations. (European cultural fondation):* collected papers. The Hague: Martinus Nijhoff, 1972, pp. 1–18. (in English).

Musch T. *Recht in Afrika * Law in Africa * Droit en Afrique*, 2010, № 1, pp. 123–141. (in English).

Musch T. *Recht in Afrika * Law in Africa * Droit en Afrique*, 2011, № 1, pp. 87–102. (in English).

Paasi A. *A Companion to political geography:* collected papers. Oxford: Blackwell Publishers, 2003, pp. 109–122. (in English).

Rapoport A. *Companion encyclopedia of anthropology. Humanity, culture and social life:* collected papers. London; New York: Routledge, 1994/95, pp. 460–502. (in English).

Sack R. D. Cambridge; London; New York; New Rochelle; Melbourne; Sydney: Cambridge University Press, 1986, 272 p. (in English).

Stahl U. *People, cattle and land. Transformations of a pastoral society in Southwestern Africa. (History, cultural traditions and innovations in Southern Africa):* collected papers. Cologne: Rüdiger Köppe Verlag, 2000, pp. 319–346). (in English).

Taylor R. B. Cambridge: Cambridge University Press, 1988, 380 p. (in English).

Turton D. *Journal of Refugee Studies*, 2005, Vol. 18, № 3, pp. 258–280. (in English).

Ward S. *The Australian Journal of Anthropology*, 2003, № 14, 1, pp. 80–96. (in English).